

«СОВЕТСКАЯ КИРГИЗИЯ»

ЕГО отчислили. Мотивировка была короткой: «...за профессиональную непригодность».

И без того чрезмерно впечатлительный, в те дни он остро переживал свое крушение. Да, верно, в последнее время у него в голове повесть откуда появилась хрипота. Но неужто это навечно? А не проще ли было сказать прямо: «Послушай, Мойдунов, мы устали от твоих шуток. Просили остепениться? Просили. Так вот, будь здоров...»

Казалось, все вокруг были согласны с железной формулировкой приказа. И все-таки нашелся человек, который в трудную минуту не прошел стороной, не отвернулся. Им, к счастью, оказался его преподаватель Марлен Темирбеков. Трудно сказать, какую струну в его сердце затронул этот парнишка. Обычное сострадание к младшему? А, может быть, он увидел в нем свою юность и пожалел не его, а самого себя? Или подсказала интуиция: «Не подведет...»

Темирбеков попытался помочь, забегал по инстанциям — не получилось. Тогда стал убеждать: мол, жизнь по существу у него только начинается, и рано или поздно он обязательно будет петь... Эрмек слушал слова учителя, соглашался, кивал головой и... прощался.

Тот день незримо разделил жизнь надвое. Позади заблуждения, соприкосновение (иначе не назовешь) с миром искусства, который оказался далеко не таким ярким, каким он представлялся раньше...

Сначала была армейская служба, солдатский хлеб, приглашение в ансамбль, концертные поездки по воинским гарнизонам Прибалтики, Украины, Польши, ГДР. И плотные ряды слушателей — ребят в хаки, немного смущенных встречей с песней, которая уводила в неведомую даль — без выстрелов и жестких солдатских распорядков.

Армия возвратила ему надежду, и после демобилизации он мчался домой с приподнятым настроением, весь преисполненный добрых предчувствий.

...Вскоре его вновь зачислили в училище. Жизнь начала новые отсчеты. От нуля. В хорошо отлаженной системе, где отныне не могло быть места для ошибок и падений, где все подчинено одной цели и ее осуществлению. Но так ему только казалось. Первая же встреча с песней смесала чувства, привела в смятение. Песня называлась «Баллада о матери». Ее пробовали петь и до него, но она, словно сжавшись в тугую комочек, не давалась.

Мелодист Атабаев, обеспокоенный судьбой песни, неожиданно предложил ее не слишком удачливому студенту музыкального училища Мойдунову. Тот растерялся, а затем, спустя несколько дней, как бы очнувшись, взялся за песню с той же убежденностью, с какой недавно отказывался от нее.

На первый взгляд, ровная, без шероховатостей песня в действительности содержала в себе зыбкие места. Она была чуточку сентиментальной, в ней угадывались слабые, приглушенные отзвуки фольклора (что-то отдаленно напоминавшее кошки притания), и надо было все это переработать, пристроить так, чтобы оно не выглядело инородным телом. При всем том песня была современной, из той новой волны, которая, возникнув сравнительно недавно, с особой, казалась бы, силой всколыхнула киргизское песенное искусство. И об этом надо было помнить постоянно.

Работалось трудно. Около четырех месяцев неохотно выстраивалась песня. Еще два месяца понадобилось на ее разучивание и доводку. И лишь после всего этого, убедившись в надежности всех звеньев песни, он вме-

сте с автором решил на запись.

Его послушали. Понравилось. Записали.

А дальше было как в хорошем сневидении. Песню пустили в эфир. Пришли первые письма. Незнакомые люди спрашивали: «Откуда явилась песня?»

И в самом деле, откуда, где родилась песня?

В горах, в лесу, среди зарослей арчевника, в голубом ельнике, на крутых солнечных опушках... О чем она? Может быть, об эличонке. О том, как эличонка этот, проснувшись, как-то поутру, обнаружил себя одиноким. О его тревогах и отчаянии, о том, как затем все обошлось благополучно, и он, возмужав, однажды набрел на тро-

на другой, с одной волны на другую. Там были горы. Здесь — степь. Степь и горы вели между собой переключку...

...Он сидел, запустив репродуктор на полную мощность, и слушал: да неужто это его голос?! А потом бежал на занятия в училище. Там было не до песен, нужно было учиться. Ему кое-что не нравилось, а еще больше, кажется, кое-кому не нравился он сам. Да и было отчего. В стремлении приобрести максимум знаний он порой слишком усердствовал. Был дерзок, смешлив, настойчив. Он не хотел (а если б и захотел, то все равно не сумел бы) оболочивать неправду в красивую удобоваримую оболочку. Говорил

ПРАВО НА ПЕСНЮ

О ЧЕРК

пу детства и ему почудился на мгновение запах материнского молока, и от этого невольно защемило сердце...

Впрочем, в песне нет ни слова об эличонке, в ней — обычные человеческие мотивы, обычная человеческая боль. Но каждый раз, когда я слушал ее, мне почему-то представлялись одновременно и сказка, и был. Эличонка — сказка, а действительность — это часть биографии самого певца. Ведь все это было и у него, мальчика из Жапалака: и потеря родителей в детстве, и детдом в Куршабе, выросший и поставивший его на ноги...

Сейчас он ее не поет, и это кажется парадоксальным.

— Не могу. Тогда мог, а сейчас нет, — говорит он убежденно и добавляет: — Тогда мог, потому что я к ней долго готовился.

— А если подготовиться сейчас?

— Пожалуй, спую, но так, как тогда, — нет. Вы смогли бы любимой женщине твердить изо дня в день, в течение нескольких лет: «Люблю, люблю, люблю...» Нет?.. Вот так и песня.

А еще как-то он сравнил песню с ребенком: «Песня — ребенок: ее надо родить, вырастить и оберегать...». Говорит он и так: «Песня — мой хлеб, она меня кормит... Любимая женщина, ребенок, хлеб — так может говорить о предмете своего труда только тот, кто по-настоящему осознает полезность своего дела. Кто знает истинную его стоимость. Знает и то, что стоимость эта прямо пропорциональна затраченным усилиям. Это ему известно, и он старается, вкладывает в песню все свои силы, подчас опустошая себя. Пожалуй, именно опустошением, а не желанием избежать инфляции песни, можно объяснить скорую разлуку певца с «Балладой».

«Баллада» помогла ему найти свою тему. Почти одновременно с ней он записал еще несколько песен, одна из них также была посвящена матери. Песня была согрета прекрасной казахской мелодией, она была мягкой, лиричной и во многом созвучна «Балладе». Во многом, но не во всем. В ней не было пламени, которое, вспыхнув однажды, озарило бы память... Велика была власть мелодии, и он плыл по ней, с удовольствием перескакивая с одного гребня

всегда то, что думал, а думал, надо полагать, не всегда безосмысленно. Ему иногда говорили: «Послушайте, вы сегодня можете не приходить на спевку. Мы вам и без этого поставим оценку». А он шел, и все начиналось сначала. И не известно, как сложилась бы его дальнейшая судьба, если б...

Из оркестра народных инструментов, который на глазах возрождался из пепла, по разным причинам выбыли почти одновременно два солиста. Потеря была значительной, и руководители ломали голову, как выйти из положения. Кому-то пришла в голову неожиданная мысль: «А что, если попробовать Мойдунова. Ведь поет парень!..»

Вспомнили его песни — и верно, поет. Припомнили особенности характера — покачали головами: сработается ли? Рискнули. Пригласили.

Вскоре он с коллективом поехал на гастроли в Нарынскую область, с ходу вживаясь в репертуар, впитывая содержание новых песен. Люди приходили на концерты целыми семьями, приезжали из стойбищ, летовок, слушали, не шелохнувшись, а он пел им, благодарный за столь высокую плату.

Оркестр властно вошел в его жизнь — и он не мыслит себя вне его. «Оркестр — мой дом, — говорит он часто, — и я не могу создать без него ничего. Мой успех — это одновременно успех и моих товарищей. Мы едины». Просит, почти умоляет музыкантов: «Пожалуйста, полюбите меня. Даже, если это будет очень очень трудно».

И он прав. Песня, ко всему прочему, еще и храм, и прежде чем войти в него, следует оставить за стенами все мелкое и наносное... Вместе с оркестром он разучил и исполнил несколько песен. Не все они равнозначны. Среди них есть и такие, которые с трудом задерживаются в памяти. Где-то и что-то было не учтено авторами, что-то утеряно и не понято до конца самим исполнителем. Есть и откровенно слабые, такие, как «Тумарым» — легкая и беззаботная однодневка на тему «Люблю — не любишь». Но это его песни — для родителей все дети равны — и он пытается распределить между ними нежность поровну.

(Окончание на 4-й стр.)

ПЕСНЮ

ему превратить «Саамим» — взволнованный рассказ о волосах любимой. Почти как в «Песне песней». Помните: «Твои волосы, как стадо овец, спускающееся с Галаады». Только овцы не спускались с горы, а, напротив, двумя сизыми лавинами поднимались на ее гребень. Да и она, любимая, была не той. Та была далеко, из сна, а эта — рядом, и он мог заглянуть в ее глаза, почувствовать силу любви, для него не менее прекрасной, чем у Суламифь.

Сейчас он выступает последним в концертах, а это означает, что его номера лучшие в программе. По этой причине ему разрешили иметь афишу. С несколько наивной непосредственностью он показывает эту афишу: микрофон, а рядом, раскинув руки, стоит он.

Надпись: «Поет Эрмек Мойдунов».

Нам смешно. И радостно. Радостно за человека, добившегося права на первую афишу. Но афиша — бумага. Она не расскажет ни о тоске эличонка, затерявшегося в лесу, ни о глазах любимой, не перенесет и в пленительный край аквамариновых озер... И все же, все же он завоевал право на песню. Нелегкое право.

И. ИБРАГИМОВ.

37